

За перегородкой стоял седовласый мужчина в телогрейке канареечного цвета и омывающими движениями грел руки над модельным калорифером. На запачканной бумаге поверх горизонтального стеллажа с прорезями для пропусков лежали куски черной пористой резины. Это были длинные мазки лент, похожие на обугленных угрей. Воняло старыми крышками. Откуда-то сверху доносилось неясное бормотание радио, передавали не то сводку новостей, не то прогноз погоды.

– Это проходная Заврестехизда?

Мой голос почему-то тоже звучал неприятно и незнакомо – трескуче и силпо.

– А? – Вахтер повернулся к окошку.

– Здесь находится проходная завода резинотехнических изделий? – стараясь скрыть раздражение, повторил я.

– А ты кто? – насторожился вахтер.

– Я к замдиректора Сукису Валентину Николаевичу.

– Может быть, Скулису?

Проснувшись неуверенность, я вытянул из нагрудного кармана бумажку и сверился.

– Ой, извините, Скулису.

– Вам заказан пропуск?

– Да, должен быть! Не подскажите, где бюро пропусков?

– Снаружи, соседняя дверь направо.

Я вышел, натолкнулся на запертую дверь и, вернувшись, с порога объявил:

– Там закрыто!

– Конечно, закрыто! Они до двух работают. Кто будет работать за такие деньги? Может быть, ты?

– Почему я?

– Потому что если ты хочешь работать за гроши, тебе в отдел кадров, снаружи соседняя дверь налево. Но там тоже закрыто. Нужно с утра приходить.

– У меня договор о поставке конвейерных лент. Я договорился о встрече со Скулисом.

– Зачем тебе ленты? Смотри! – всплеснул руками старик. – У меня есть ремни клиновые, ремни вентиляторные, уплотнители для автомобилей, все по договорной цене! Вот эти резиновые коврики – пятьдесят рублей, резиновые сапоги – сто рублей!

– Да не нужны мне сапоги!

– И как же ты собираешься пройти туда без сапог? – усмехнулся вахтер и мотнул седой головой. – Туда, безумец, и без сапог?

– Позвонить хотя бы можно?

– Телефон в бюро пропусков.

– Ну, позвоните сами!

– Молодой человек, это ваша проблема! – Вахтер потянулся к облупленному телефонному аппарату и приподнял болтающуюся под трубкой простую косу проводов.

Телефон, очевидно, не работал.

– Хорошо, я буду ждать здесь, у турникета! – Я развернулся и замер перед доской объявлений.

– Да жди сколько угодно! Испугал! – пробурчал вахтер и захлопнул окошко.

Прошло полчаса. Мне показалось, что я проснулся в узком пространстве между дверью и турникетом. От обстоятельного бормотания радио из-за перегородки болела голова.

– Да выключите вы, наконец, это радио? – вдруг вспылал я. – Или включите погромче! Ни слова не понятно в этом бубнеже!

Окошко распахнулось.

– Не разрешается. Но ты прислушайся! Черти! Опять все топят в дерьме! – причитал вахтер, помешивая ложкой в кружке. – Чая хочешь?

– Нет, спасибо.

Дверь проходной хлопнула. Вошел скуластый мужчина средних лет в сером ратиновом пальто и выжидающе остановился:

– Молодой человек, разрешите пройти!

– Проходите, ради бога! Кто вам мешает? – отпрянул я.

– Добрый день!

– Добрый день! – поздоровался вахтер.

Провернулся турникет. Хлопнула задняя дверь.

– Что ж вы у него не спросили пропуск? – не выдержал я.

– Что ж, я не знаю Скулиса? А вот ты не знаешь! А еще говоришь, с договором пришел!

– Слушайте, вы пожалеете!

У меня получилось просунуть в окошко руку и ударить по стеллажу, но я тут же отдернул ее, стыдясь рваного рукава.

– Да ты не кипятись! А то сейчас милицию вызову.

– Как же! У вас телефон не работает! – съязвил я.

– А тревожная кнопка на что, олух?

– Я не олух!

Вахтер неторопливо залил кипятком пакетик чая.

– Послушай, – сказал он, и по интонации было заметно, что он смягчился. – Мне надо отойти в туалет, а он в соседнем корпусе. Веди себя тихо. Если кто подойдет, скажи, что я скоро

Но я напрасно переживал. За несколько метров мужчина в высоких сапогах вежливо шагнул в грязь и уступил дорогу.

- Извините, пожалуйста, вы не подскажете, как мне найти Валентина Николаевича Скулиса? – обратился я к нему.
- Скулиса? – произнес тот с мечтательной интонацией, с которой впечатлительный юноша произносит имя Виолетта.
- Заместителя директора.
- Ах, замдиректора, – опомнился мужчина и стал внимательно рассматривать меня, заслоняясь рукой от низкого солнца. – Идите к Марье Павловне.
- А кто такая Марья Павловна?
- А это его жена, она у нас главный бухгалтер. Знаете, где бухгалтерия?
- Не-ет.
- Вот здесь, в этом корпусе, на втором этаже.
- Спасибо.
- Дойдете?
- А бывает, что не доходят? – улыбнулся я.
- Всякое возможно. Вот упадете в грязь, будете барахтаться, а там коллекторы. А то пойдемте со мной, донесем до костра мешок с резиной, и я вас проведу...
- Дойду, я недавно из Якутии. Там вечная мерзлота!
- В Якутии хорошо! – Рабочий взвалил мешок на спину, прочавкал несколько метров по грязи и снова заковылял по доскам.

* * *

Хотел бы я отыскать исследователя, способного раскрыть генезис удивительного строения, представшего мне. Огромный параллелепипед из кирпича цвета переспелого арбуза покрывала вуаль из поржавевших труб. Одна, самая толстая, подобно удаву, сокрушающему обвоем кирпичные кости, горела ядовито-желтым цветом. Стены корпуса всей поверхностью продавливались внутрь, словно живот голодающего, а бочкообразная крыша выгибалась вверх, как кошачья спина или маниакальная идея, – хотя по законам физики должно было бы быть наоборот. Из двух соседних строений к параллелепипеду тянулись «мостики дружбы» на железобетонных опорах. К его выступам лепились пристройки: кирпичные протуберанцы с непонятым предназначением.

Из-за груд шлака, похожих на окаменевшие туши бронтозавров, вышли, оживленно беседуя, две чумазые женщины в косынках.

- Извините, пожалуйста, вы не подскажете, где здесь бухгалтерия? – спросил я.
- На втором этаже, сынок. Придешь до конца коридора и направо по лестнице. Только сапоги надень.
- У меня нет сапог.
- Так вот здесь, – рассмеялась одна, – они в вагончике всегда лежат.

Я зашел в строительный вагончик, сбросил кроссовки и натянул сапоги.

Далее пришлось идти по щиколотку в густой липкой жиже. В радужной пленке плавали червеобразные резиновые ленты. Под потолком трещали длинные желтые лампы. По обе стороны, наподобие островов, возвышались конвейеры и заброшенные станки, оплетенные африканскими косичками проводов.

В конце коридора я нащупал поворот налево и вдруг наткнулся на что-то живое. Существо взбежало по лестнице и оказалось девочкой в шоколадно-клетчатом платье, розовой куртке и синих резиновых сапожках. На плечи ее падали русые косички, туго перевязанные черными шелковыми лентами. Она была столь болезненной, что, глядя на нее, не верилось, будто существуют другие девочки: дрыгающие длинными ногами, играющие в классики, хочущие и жизнерадостные.

Помню, я подумал, что растят родители такой цветок в надежде, что из костлявой принцессы разовьется пышная царица, но ведь не разовьется: зачахнет цветок.

А вслух спросил:

- Детка, что ты здесь делаешь?
- Играю.
- Во что?
- В прятки.
- С кем?
- С ним. – Девочка кивнула на плюшевого верблюжонка, которого прижимала к нагрудному кармашку.
- Но он же у тебя в руке? – смутился я.
- Ну и что!
- Дай-ка посмотреть!
- Зачем?
- Хочу посмотреть, сколько у него горбов. Девочка не шевелилась.
- Верблюды бывают разные: есть одногорбые – дромадеры и есть двугорбые – бактрианы.
- Нет, его зовут Саша!
- А где твоя мама?
- Там, – неопределенно махнула рукой девочка.

Я поднялся еще на один пролет и вышел в коридор. Первая дверь, в которую я толкнулся, оказа-

У ворот стояла старуха
в платье, мятом,
как носовой платок.
В вытянутых руках она
держала кусок сырого
мяса, а вокруг нее прыгала
шелудивая собака, сверкая
проплешинами.

Я присел на грязную скамейку возле ворот и стал озираться. В некоторых местах приземистая охряная стена, как ветхая труженица, опасно наклонялась вперед, так что, привстав, я мог бы дотянуться до ее верхнего края.

Недолго думая, я подкатил к краю стены жестяную цистерну, стоявшую рядом с поломанной стремянкой. Подпрыгнул и ухватился руками за верх стены и тут же с криком свалился в грязь. Из порезанных пальцев хлестала кровь.

Чертыхаясь, я вытащил носовой платок и с трудом перевязал руку.

Задумавшись, зашагал по деревянному настилу назад к административному корпусу и почти не удивился, найдя дверь бухгалтерии запертой, но на всякий случай решил проверить женский туалет.

Переключатель не работал. Минуты две-три глаза привыкали к темноте. Туалет был пуст. Я сделал несколько шагов по кафелю и вдруг увидел в стене тонкий, как жгут, светлый контур. За одним из расколотых унитазов оказалась дверь. Ручки не было.

Я подобрал осколок унитаза и просунул под дверь. Немного повозившись, вытянул дверь на себя и оказался на «мостике дружбы» – насаженном на вилку арматуры продолжении административного корпуса. Он вел к небольшой постройке из белого кирпича.

Я бросился вперед, сбежал по лестнице и вошел в помещение, заставленное скуластыми раскаленными котлами. Под потолком в жестяном абажуре болталась лампочка, одинокая, как гостья из облака Оорта. Табличка со съемными буквами информировала: «В котельной не было травм с ____ числа ____ месяца».

За спиной послышалось старческое кряхтение и шум многих ног. Я бросился к следующей двери и оказался в раздевалке. На переносных вешалках висели грязные халаты, поникшие и обездоленные, как туши на скотобойне. Нестерпимо пахло соли-домом и машинным маслом. Пометавшись в поисках места, чтобы спрятаться, я бросился к куче старых телогреек и зарылся с головой.

* * *

В раздевалку вошли трое котельщиков. Первый, дымящий черепаховой трубкой, был высокого роста, с шелушащейся угреватой кожей. Второй – толстый, в тельняшке, с мощной шевелюрой, похожей на лимб у циркуля. Третий – худой, как скелет, с высокими залысинами и с газовым ключом под мышкой.

Они выключили верхний свет и зажгли какой-то напольный фонарь. Разложили на полу самогон, хлеб и овощи.

Оценив ситуацию, я уже хотел вылезти из-под телогреек, но упустил время, а потом было уже стыдно и странно. Я порядком устал за день, и было лень объяснять подвыпившим людям, как я здесь оказался.

Толстого в тельняшке звали Тюлень, он долго вытирал испачканные мазутом руки куском ветоши.

Владельца черепаховой трубки звали Фил, он постоянно усмехался, обнажив искрошенные зубы.

Скелетообразного они называли Люэс, он мне показался самым безобидным.

Пили они неторопливо и немногословно, как люди, наговорившиеся за долгие годы. Пьяные речи их были однообразными и скучными и сводились к воспоминанию разнообразных несчастных случаев на производстве. Впрочем, возможно, эти истории мне показались бы и забавными, если бы я мог вышелушить их юмористическое зерно из мата и непонятного мне технического жаргона.

Я боялся, что если усну, то выдам себя храпом или шевелением. Но в конце концов задремал.

* * *

Мне снилось, что я в летнем кафе со своей подругой. Она улыбалась. Такая улыбка играет на губах продавщицы, когда она вывешивает табличку «Обед». Но я любовался темно-алым пламенем ее губ и мысленно целовал их. Потом я пытался схватить ее за запястья. Но Инга начала размываться в воздухе. Гневный фантом растаял.

Раздался звук, похожий на хлопанье дверцы холодильника. И я почувствовал, что нахожусь уже в другом сне.

Теперь я сидел на широкой оттоманке в комнате без потолка. Над головой раскинулось звездное небо. В комнате был столик – вернее, откидная доска на шарнирах, как в вагонном купе. На полированной доске стояли белая шахматная пешка и рюмка с капелькой мутной влаги на дне. Откуда-то из-за спины на пористый кирпич с бурыми вкраплениями падал бездомный лунный свет.

Мне показалось, что я уловил черный взгляд из ванны космоса.

«Есть ли жизнь на Земле?» – вопрошал черный взгляд, и я мысленно послал ему в ответ свой надрывный вопль: «Нет!»

Раздался звук, неприятный, как скрежет трамвая. На столике трещал будильник, похожий на пол-апельсина. «Разве я не выкинул его в седьмом классе?» – подумал я и протянул руку.

Покатилось жестяное ведро.

Я проснулся. В раздевалке было пусто.

Я взлетел по лестнице и нырнул в сиротливо болтающуюся дверь. Здесь пахло древесным углем и сажей. Только через пару минут я понял, куда попал. Это был сгоревший актовый зал или, как их некогда называли, красный уголок. Обугленная трибуна, груда переломанного шанцевого инструмента, лохматая дерюга...

Еще пара дверей – и я наконец вдохнул бодрящий, как крепкая заварка, утренний воздух. У крыльца начинался знакомый деревянный настил.

В грязи возле проходной ехал кар с огромными бидонами в ковше. В кабине сидел вахтер.

У ворот стояла старуха в платье, мятом, как носовой платок. В вытянутых руках она держала кусок сырого мяса, а вокруг нее прыгала шелудивая собака, сверкая проплешинами.

– Ты кто такой? – успела крикнуть мне старуха.

– Мне нужно выйти! – огрызнулся я и налетел на дверь.

Дверь распахнулась.

– Испытывает нас антихрист! До чего дожили! Стой, хулиган! – кричала старуха.

Перепрыгивая турникет, я заметил на столике среди резиновых лент огурцы и помидоры, и каждый овощ был завернут, как новогодняя игрушка, в отдельную бумажку. И я бежал, в резиновых сапогах, до следующей остановки троллейбуса.